

Кенжина С. Т., старший научный сотрудник отдела ОНИ и РИР Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова

ПРАВА ЛИЦ, НЕ ВЛАДЕЮЩИХ ЯЗЫКОМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Согласно части 3 ст. 186 УПК РК (Порядок возбуждения уголовного дела) если известно лицо, пострадавшее от совершения преступления, одновременно с возбуждением уголовного дела оно признается потерпевшим, а если вместе с сообщением о преступлении заявлен гражданский иск, лицо признается также гражданским истцом. Следовательно, казахстанский законодатель уже предпринял все необходимые меры для обеспечения своевременного обретения потерпевшим правосубъектности.

В этом смысле отечественное уголовно-процессуальное законодательство в положительном аспекте отличается, например, от российского, где срок, в течение которого пострадавшее от преступления лицо должно быть признано потерпевшим либо конкретный момент производства по делу, уголовно-

процессуальным законом не установлен. Между тем во многих случаях лицо признается потерпевшим на завершающей стадии уголовного судопроизводства.

Это означает, что в российском законодательстве имеется временной период между моментом совершения в отношении лица преступления, которым ему причинен вред, и моментом признания его потерпевшим. В этот период пострадавшее от преступления лицо рассматривается в качестве заявителя, что нарушает его права на получение информации о ходе рассмотрения поданного заявления, результатов предварительного расследования, на предоставление доказательства в подтверждение своего заявления о преступлении, на выдвижение требования о признании потерпевшим и др.

По вопросу о своевременности признания потерпевшим существует множество самостоятельных исследований, в которых данное положение уже достаточно обстоятельно проанализировано^{1;2;3;4}. К тому же в отечественной науке положение о «пострадавшем» уже озвучено в диссертации Жаманбасва Б. М. «Гарантии прав потерпевшего в уголовном процессе», Караганда 2007. В частности, он указывает, что «наряду с понятием «потерпевший», необходимо введение в УПК РК такого субъекта, как «пострадавший», — применительно к лицу, которому общественно опасным деянием причинен вред, по поводу которого не принято решение о возбуждении уголовного дела, наделить его соответствующими правами - правом давать объяснения, представлять фактические данные, иметь представителя, знать о принятом по его заявлению решении, обжаловать решения и действия органа уголовного преследования, нарушающего его права»⁵.

Мы довольно скептически относимся к подобного рода предложениям, так как они, по сути, являются отражением и частными проявлениями более общей проблемы, которая заключается в архаичности и бюрократизме такой искусственной стадии уголовного процесса как «доследственная проверка». В свою очередь, эта проблема упирается в классическую для современной науки постсоветского уголовного процесса дискуссию о стадии возбуждения уголовного дела.

Наша позиция заключается в том, что концептуально мы выступаем за упразднение стадии возбуждения уголовного дела и трансформирования предварительного расследования (досудебной деятельности), однако этот тезис требует серьезного обоснования и выходит за рамки нашей статьи. Поэтому мы иллюстративно обозначим свои доводы относительно этого вопроса, а детальные предложения будут нами приведены в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством. Такой подход позволяет нам избежать теоретических иллюзий, поскольку очевидно, что реформирование системы стадий УПК РК может не произойти вообще, и придать исследованию особенностей реализации потерпевшим своего права на пользование родным языком прикладную направленность.

Итак, думается, что в свете уже не раз озвученной концептуальной ущербности стадии возбуждения уголовного дела, не имеет смысла вести дискуссию о ее косметическом реформировании. Авторы большинства законопроектов и научных исследований последних лет идут одним путем - это перестановка декораций с места на место. Наиболее радикальным, но логичным решением может быть только упразднение стадии возбуждения уголовного дела как таковой. Поэтому, исходя из логики и иерархии аргументов, отрицать следует саму доследственную проверку и стадию возбуждения уголовного дела, а не содержание отдельных институтов этих «квази-стадий». Иными словами, нет необходимости в нагромождении искусственных процессуальных форм для легализации правосубъектности участников правоотношений до возбуждения уголовного дела.

Однако, к сожалению, для большинства реформаторов уголовного судопроизводства стадия возбуждения уголовного дела представляет собой неприкосновенную часть так называемого «смешанного» типа уголовного процесса, причем их аргументы в пользу этой стадии вряд ли приемлемы в современных реалиях, когда теория и практика уголовного судопроизводства требует оптимизации, а не бюрократии. В этом смысле, предложения о расширении круга участников уголовного процесса путем внедрения фигур «пострадавшего», «заподозренного» не способствуют реализации фундаментальных принципов, включая и принцип языка судопроизводства, поскольку требуют создания сложной системы коррелирующих прав и обязанностей.

Так, вслед за «пострадавшим», в сферу доследственной проверки включается автоматически и переводчик, поскольку вопрос о его участии неизбежно возникает в условиях реализации «пострадавшим» своего права на пользование родным языком. Мы отдаем себе отчет в том, что ликвидация стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе является задачей гипотетической и может быть осуществлена только в контексте концептуального реформирования правовой системы, поэтому наши дальнейшие предложения имеют несколько рефлекторный характер, обусловленный сложившейся конъюнктурой. Далее рассмотрим некоторые проблемы, возникающие в связи с наличием

функциональной роли потерпевшего в первоначальной стадии уголовного процесса, которой является стадия возбуждения уголовного дела.

Некоторые авторы затрагивают проблему отсутствия установленной процессуальной формы заявления (сообщения) о преступлении. Так, в частности, Синенко С. А. выступает за законодательное закрепление в форме специального бланка этого документа, ибо, по его мнению, «невероятно, что во время, когда делопроизводство большинства ведомств (лицензионный, налоговый, таможенный, административный и пр.) тщательно разрабатывают проекты и бланки заявлений, которыми пестрят официальные газетные издания и информационные стенды в учреждениях, в сфере уголовно-процессуальной деятельности, которая наиболее подвержена формализации, не придают этому должного значения»⁶.

Рассмотрим данное предложение с позиции действующего отечественного уголовно-процессуального законодательства. Начальным периодом совместной деятельности потерпевшего и органа расследования является оформление потерпевшим заявления о совершенном преступлении. УПК не содержит указаний, каким должно быть заявление потерпевшего по содержанию и форме, какую информацию о преступлении оно должно содержать. Очевидно, законодатель не без оснований считает, что едва ли возможен стандарт такого заявления по всем преступлениям, каждое из которых имеет свою криминалистическую характеристику и прочие особенности. В этой связи, специальный бланк заявления, подаваемого потенциальным потерпевшим о совершенном или совершаемом преступлении вряд ли можно облечь в универсальную форму, удовлетворяющую нуждам конкретного случая.

Даже если учесть, что форма такого заявления и его содержание были бы на пользу не только заявителю-потерпевшему, но одновременно и правоохранительным органам по собиранию и накоплению информации о преступлениях, все равно считаем нецелесообразным закреплять это законодательно, поскольку сведения о преступлении черпаются органом уголовного преследования из всей совокупности материалов доследственной проверки. Заявления граждан о преступлениях служат самостоятельным видом документов в уголовном процессе только как повод для возбуждения уголовного дела. Практикующие юристы прекрасно знают о том, что практически всегда заявление о преступлении лицо пишет под диктовку оперативного дежурного или сотрудника дежурной следственно-оперативной группы.

Таким образом, мы установили, что отсутствует разумная необходимость в разработке специальной формы (бланка) заявления о преступлении, так как это все равно не обеспечивает надлежащую реализацию права граждан на доступ к правосудию. Существует другая проблема в этой связи — объективно недостаточная юридическая грамотность населения, поскольку граждане не обязаны осваивать все тонкости квалификации уголовно-наказуемых деяний. В то же время, следователь или дознаватель часто манипулируют терминологией заявления о преступлении, чтобы отразить наиболее выгодную квалификацию в дежурной сводке о совершенных преступлениях на обслуживаемой территории. Нередки случаи, когда после таких «консультаций» дознавателей или следователей, обстоятельства, изложенные в зарегистрированном заявлении, искажаются по своему юридическому смыслу, и, как следствие, нераскрытый грабеж превращается в самоуправство, а нераскрытое хулиганство в умышленное причинение легкого вреда здоровью.

Указанные негативные проявления еще более опасны для лиц, не владеющих языком судопроизводства, так как затрудняют обеспечение тождественности фактических обстоятельств и информации изложенной в заявлении. Казалось бы, в данном случае квалифицированная юридическая помощь наряду с услугами переводчика позволит отечественной уголовно-процессуальной деятельности соответствовать высоким стандартам демократической системы правосудия и логично предложить распространить право на участие адвоката-представителя пострадавшего уже на этапе подачи заявления, однако это чрезмерно экстенсивное решение и представляется нам нецелесообразным, поскольку проблемы должной реализации права лиц, не владеющих языком судопроизводства, обратиться в правоохранительные органы лежат в плоскости должного исполнения своих обязанностей уполномоченных лиц и органов, а не в сфере законодательного регулирования.

Этот тезис подтверждают действующие межведомственные нормативные акты. Так, Инструкция о приеме, регистрации, учете и рассмотрении заявлений и сообщений, жалоб и иной информации о преступлениях, происшествиях, утвержденная Приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 10 февраля 2003 года № 6, в пункте 15 предписывает, что при подаче обращения заявитель может пользоваться любым языком, которым он владеет. Ответ о принятом решении дается на государственном языке либо на языке обращения. Указанное положение, на наш взгляд, в достаточной степени гарантирует адекватную реализацию принципа языка судопроизводства.

¹ Сарсенбаев Т. Е. Теория и практика охраны прав и законных интересов беспомощных жертв преступлением и

досудебном производстве (по материалам Казахстана и России): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук.- М., 2005, —51 с.

- ² Чекулаев Д. П. Потерпевший в уголовном судопроизводстве: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба: Дис.... канд. юрид. наук. — М., 2005.
- ³ Воскобитова Л. А. Процессуальное регулирование доступа граждан к правосудию в уголовном судопроизводстве. // Материалы международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальным кодекс Российской Федерации: Год правоприменения и преподавания». — М.: МГЮА, 2004. С. 42-47
- ⁴ Мирза Л. С. «Доступ к правосудию: Уголовно-процессуальные аспекты»: Дис. ... канд. юрид. наук — М., 2004
- ⁵ Жаманбаев Б. М. Гарантии прав потерпевшего в уголовном процессе: Автореф. Дис. ... канд. юрид. наук. — Караганда., 2007. — 26 с
- ⁶ Синенко С. А. Участие потерпевшего в расследовании преступлений. Уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. — Владивосток, 2001. — С. 89.

Түйін

Аталған мақалада қылмыстық істі қозғау сатысындағы қылмыстық сот ісін жүргізу тілін білмейтін тұлғалардың құқықтарын қарастырады.

Resume

This article examines the rights of persons who do not speak the language of criminal justice at the Maііc of criminal proceedings.